

„Socialisticheski Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Boté“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie 3 fr.
et Yougoslavie. 70 pf. (4 fr.)
Preis in Deutschland und
sonstigen Ländern

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (Bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 8 (340)

15-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Копюра и ред.: 141, r. Broca, (Square Albin Cachot, bât. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-25 Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris Прием по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11—1 ч.

25 Апреля 1935 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: “Bâtiment 11”

СОДЕРЖАНИЕ

Майское воззвание РСИ.

Ф. Дан. Стрело-женевские итоги.

П. Гарви. Путевка в смерть.

А. Югов. В колхозах после съезда.

Ф. Д. Еще о походе против с.-д. в СССР.

Литература и жизнь: В. Александрова. Кризис молодежи.

Заграницей: Социалистическая работа в Германии. — К про-

цессу шутбюндлеров. — К борьбе течений в социалистической партии США.

По России: Инфляция финансировала индустриализацию. — Оздоровление червонца. — Идеиная переориентировка советской интеллигенции. — Роль государства. — «Положительные итоги». — Мечта о сильной власти и порядке.

Издания, поступившие в редакцию. — Почтовый ящик. — От редакции.

Фельетон: Ф. Дан. О задачах российской социалдемократии.

МАЙСКОЕ ВОЗВРАНИЕ РСИ

К РАБОЧИМ ВСЕХ СТРАН!

В мире, преисполненном нищеты и рабства, военной опасности и приготовлений к войне, готовятся рабочие и социалисты праздновать день 1-го мая.

Почти 6 лет длится кризис капиталистического хозяйства. Беспомощно стоят господствующие классы перед массовой нуждой, рожденной капиталистическим, рассчитанным на прибыль хозяйством. Безудержное понижение заработной платы широких масс — вот единственное средство, которым они хотят преодолеть кризис. Высокие пошлины и подстегиваемое национализмом стремление отдельных стран к самозамыканию, в автаркии, разрушили, вместе с мировой торговлей, и международное разделение труда, без которого немалым хозяйственным и культурным прогрессом человечества.

Крупно - капиталистическая хозяйственная политика грозит возвратом к эпохе экономического варварства и увековечением кризисного хаоса.

Экономический упадок капиталистическое развитие дополняет рабством. За опустошениями кризиса идет по пятам фашистское наступление. На усеянных трупами полях, в которые капитализм обращает хозяйство, ищет своей добычи фашизм. К уничтожению источников существования он прибавляет уничтожение свободы. Отнимая у трудящегося населения права, он тем самым отнимает у него последнюю возможность сопротивления капиталистическому гнету. Он хочет увековечить

разделение общества на господ и рабов, на богатых и бедных.

Из соединения кризисной нищеты и фашизма рождается в конце концов самая ужасная из опасностей, угрожающих человечеству, — опасность войны.

Экономический национализм помог подготовить почву, на которой растет безудержный политический национализм. С утверждением господства фашизма националистические и милитаристические силы овладевают государственной властью. Гитлеровская Германия является источником военной опасности в Европе, милитаризованная Япония — очагом войны в Азии. Фашистская Италия пользуется сковывающею европейские демократии опасностью германского фашизма, чтобы начать грабительский поход в восточной Африке. Военные приготовления фашистских стран дали сигнал к новой скачке вооружений во всем мире.

1-го мая должно быть днем мобилизации рабочих и социалистов

против кризисной нищеты, вызываемой капиталистическим хозяйством,

против фашистского рабства,

против военной опасности и скачки вооружений,

за экономическую политику планомерной борьбы с кризисом,

за защиту свободы и демократии,

за дееспособную Лигу Наций, противопоставляющую каждому нападающему превосходные силы мирных государств.

Но мы знаем, что выполнения этих требований еще недостаточно.

Кризис будет преодолен и опасность новых кризисов исчезнет лишь тогда, когда трудящиеся массы завоюют политическую власть и учредят социалистический хозяйственный строй!

Свобода во всем мире будет упрочена лишь тогда, когда не только в странах демократии будет отражена фашистская опасность, но и в странах фашизма героическим борцам за свободу и социализм удастся ниспро-

вергнуть фашистский режим и завоевать власть социализму!

Мир будет обеспечен лишь тогда, когда станет невозможным националистическое и милитаристическое злоупотребление Лигою Наций и руководство ею перейдет к социалистическим правительствам!

Да будет-же нынешнее 1 мая сигналом к собиранию сил для нового наступления!

Да здравствует международный, освободительный, миротворческий социализм!

СТРЕЗО-ЖЕНЕВСКИЕ ИТОГИ

Слова и иллюзии гибнут, факты остаются...

Писарев.

Некий досужий журналист высчитал, что свидание представителей Франции, Англии и Италии в Стресе было 128-м по счету «слетом» дипломатов после подписания мирных договоров в 1919 году. Все эти слеты имели целью спасение, сохранение и укрепление чахлого мира, рожденного этими договорами. И после каждого из них в официальных сообщениях и в статьях официальной и полу-официальной печати соответствующей группы держав успокоительно разъяснялись встревоженным народам те новые достижения в борьбе за мир, которые сделаны их правителями и дипломатами.

Нет ничего удивительного, что свидание в Стресе и, как его непосредственное последствие, ход и исход чрезвычайной сессии Совета Лиги Наций в Женеве дали особенно обильный материал для официальных и официозных оптимистических упражнений. Ибо Стреза и Женева оказались в состоянии пред'явить давно уже невиданный ряд «положительных актов». В Стресе бывшие державы-победительницы, Англия, Франция и Италия, засвидетельствовали «полную солидарность» своей политики защиты мира. Они сговорились насчет содержания той резолюции, которая впоследствии от их общего имени была внесена Лавалем в Совет Лиги Наций и которая не только высказывает более или менее неприкрытое порицание Германии за «одностороннее» аннулирование ею военных статей Версальского договора, но и учреждает особую комиссию с поручением выработать систему «санкций», карательных мер финансового и экономического характера против всякого нарушения договоров в будущем. Они еще раз подтвердили свою решимость защищать независимость Австрии, в виду выраженного Австрией, Венгрией и Болгарией желания вернуть и себе ту свободу вооружения, которую захватным порядком осуществила Германия, постановили созвать в Риме конференцию с участием заинтересованных держав, т. е. в первую голову держав Малой и Балканской Антанты. Они постановили «продолжать переговоры, имеющие целью желательное укрепление безопасности в восточной Европе». Англия и Франция, в качестве гарантов Локарнского пакта, торжественно подтвердили свою готовность выполнять все вытекающие из этого пакта обязательства, т. е. принять участие в военных мерах против нарушителей пакта, причем попутно было решено самый пакт дополнить соглашениями о взаимопомощи против воздушного нападения. И, наконец, сговорившись в Стресе великим державам удалось добиться в Женеве почти единогласного (за вычетом воздержавшегося представителя Дании) принятия внесенной Лавалем резолюции.

Вот — куча прекрасных вещей, которые могут пред'явить Стреза и Женева и в которых традиционный оптимизм может найти обильную пищу. Но социалистический пролетариат стал бы жертвой самых опасных иллюзий

и рисковал бы сбиться с пути подлинной, действительной борьбы за мир, если бы за словами резолюций и дипломатических речей просмотрел те факты, которые одни только остаются, когда слова давно забываются и иллюзии разлетаются, как дым, и которые одни только имеют значение для реального хода исторических событий, в данном случае — для перспектив мира и войны.

В Стресе Англия, Франция и Италия демонстрировали свою «абсолютную солидарность», говорит «Тан» (15 апр.). Верно. Но только надо помнить: предполагалось, что в Стресе «полная солидарность» будет достигнута на том, что Англия возьмет на себя новые обязательства в смысле такого-же активного участия против всяких агрессивных предприятий Гитлера на востоке и юго-востоке Европы, какое, в силу Локарнского договора, она обязана принять против такого рода предприятий его на европейском западе. На деле «абсолютная солидарность» была достигнута на том, что Англия, как уже заявил Макдональд в Палате Общин, «никаких новых обязательств» на себя не приняла и сохраняет за собою полную свободу не только выступать по-прежнему в роли посредника и примирителя между Гитлером и его антагонистами, но и вести сепаратные переговоры с Гитлером. Непосредственным результатом достижения «абсолютной солидарности» на такой почве являются похороны восточного пакта, как коллективного (подобно Локарнскому) и гарантированного Англией, Францией и Италией договора всех государств европейского востока, дополняющего пакт Лиги Наций, и распыление его в ряд «двусторонних» договоров (франко-советский, советско-чешский, советско-прибалтийский), значительно менее действительных и ограниченных к тому-же в своей действительности приспособлением к тяжеловесному механизму Женевского ареопага. Более того. Заминка в советско-французских переговорах напоминает, что и повторная гарантия Локарно, запрещающего прохождение не только германских, но и французских войск через милитаризованную зону, может быть обращена своим острием не только против Гитлера, но и в другую сторону.

Германии высказано порицание за самовольное восстановление всеобщей воинской повинности. Верно. Но порицание — это слова. А факт таков, что «порицательная» резолюция окончательно и бесповоротно санкционировала вооружение Германии в нарушение Версальского договора, приняла это нарушение, как «совершившийся факт». Правда, за будущие нарушения ей грозят экономическими и финансовыми карами, которые должна выработать особая комиссия. До сих пор мировая буржуазия неизменно обнаруживала свою полную неспособность к солидарному международному регулированию самых элементарных экономических вопросов: достаточно напомнить о валютной и таможенной политике последних лет! Трудно поэтому поверить, что правительства нескольких десятков стран, входящих в Лигу Наций (о не входящих — Америке и Япо-

нии — нечего и говорить!), смогут столкнуться о сколько-нибудь действительных мерах финансового и экономического бойкота такого крупного «клиента», как Германия. Ведь, даже Советская Россия, в самый разгар борьбы с этим «правонарушителем», заключила с ним 200-миллионную торгово-кредитную сделку, которая должна реализоваться в течение 5 лет и которая вряд-ли не предусматривает поставку Советским Союзом Германии марганца, столь нужного Гитлеру для вооружения! Но, будем оптимистами и допустим, что, в конце концов, комиссия такие меры выработает, а Лига Наций их санкционирует. Через сколько лет, однако, наступит этот «конец концов»? И сколько времени будет в распоряжении Гитлера, чтобы, по-прежнему, не опасаясь санкций солидарных и объединенных «в рамках Лиги Наций» народов, ставить Европу и весь мир перед все новыми и новыми «совершившимися фактами», пока один какой-либо из них, быть может, сам по себе и сравнительно незначительный, не взорвет, неожиданно для всех, на воздух всю филигранную мирную работу женеvских дипломатов?

Но не миф-ли вообще это «единство народов» в осуждении Гитлеровской Германии, достигнутое, надо помнить, не в общем собрании Лиги Наций, а в гораздо более узком по составу ее Совете? Увы, если держаться почвы не слов и иллюзий, а незыблемых фактов, оптимизму и тут остается мало места. Как известно, такие крупнейшие международные факторы, как Америка и Япония, ни единым словом не выразили своей солидарности с решениями, принятыми в Женеве и Стрезе. Но, если держаться в кругу держав, входящих в Лигу Наций и даже, еще теснее, представленных в ее Совете, то нельзя не видеть следующих фактов: помимо того, что как уже сказано выше, Англия сохранила за собою право на особую «политическую линию», представитель Польши выступил решительно враждебно и против резолюции «осуждения», и против комиссии по выработке санкций, и его положительное голосование, продиктованное рядом дипломатических соображений, ни в малейшей степени не ослабляет значения этого его выступления; делегат Дании, служивший в данном случае рупором и двум другим скандинавским странам, Швеции и Норвегии, воздержался от голосования и не оставил ни малейшего сомнения в том, что политика скандинавского блока в конфликтах между Гитлером и его противниками будет ориентироваться на нейтралитет, несмотря на то, что все три страны этого блока возглавляются рабочими, социалистическими правительствами, которые трудно заподозрить в симпатиях к национал-социалистическому режиму; представители Малой и Балканской Антанты выказали явное беспокойство и недовольство той системой мероприятий, которая, по инициативе Муссолини, проектируется по отношению к Австрии, Венгрии и Болгарии и которая входит в намеченный в Стрезе план «организации безопасности»; делегаты всех без исключения «не-великих» держав, вплоть до Испании, обнаружили такую боязнь «ссориться» с Гитлером, что отказались от чести быть докладчиками франко-итальянско-английской резолюции и вынудили Лавала, в разрез со всеми обычаями Совета, взять этот доклад на себя и внести его не в комиссию, а непосредственно в пленум Совета; и т. д., и т. д.

Фактов этих нельзя не видеть. Их видит и Гитлер, и они говорят ему о том, что не только во всех будущих «совершившихся фактах», но и в той войне, к которой он идет, потому что его гонят к ней внутренние затруднения его режима, он будет иметь перед собою не стальную стену объединенного возмущения и негодования «цивилизованного мира», а весьма рыхлый и неустойчивый, раз'едаемый внутренними противоречиями блок, в котором он не без шансов на успех может искать не

только нейтральных, но и союзных сил — и помимо Польши, содействие которой, повидимому, обеспечено ему рядом негласных сделок. Такое положение может, разумеется, лишь поощрить Гитлера к продолжению его авантюристической политики, а отнюдь не к «капитуляции», которая для него вообще была бы возможна лишь в порядке самоубийства. И попытка истолковать, как «капитуляцию», выраженную Гитлером в самый разгар Стрезы готовность принять участие в лишенном всякого реального значения восточном пакте «ненападения» (к тому же с исключением Литвы!) сейчас же была опровергнута и словами, и делами национал-социализма, вскрывшими чисто «маневренный» характер этой «уступки» германского фашизма настоящим Англии.

Значит-ли это, что Стреза и Женева оказались попросту безрезультатными? Никоним образом! Они дали один, весьма положительный результат, заключающийся в том, что совершенное Германией грубое нарушение договоров не послужило толчком к европейской, а затем и мировой войне. В этом смысле Стреза и Женева «спасли мир», и этот результат международный пролетариат имеет основание приветствовать так же, как он будет и при всех будущих конфликтах и правонарушениях неизменно приветствовать всякую возможность избежать войны. Но беспримесной могла бы быть его радость, действительно с оим мог бы он считать достигнутый успех, если бы предотвращение очередного взрыва достигалось подлинным укреплением элементов мира в европейском и мировом развитии, подлинным уменьшением военной опасности и уничтожением ее источников. На деле, увы, ничего подобного нет. На деле спасение мира достигнуто в Стрезе и Женеве методами, означающими не столько укрепление мира, сколько отсрочку войны, но зато и более основательную подготовку ее.

Оставим в стороне академический вопрос о том, мыслимы-ли сколько-нибудь действительные экономические и финансовые санкции против такой страны, как Германия, без немедленного «переростания» в открытую войну. Но разве не характерно, что в своей, обошедшей всю иностранную печать беседе состоявшийся при Литвинове в Женеве большеvистский «эксперт» говорил не о том, как теперь, после Стрезы и Женевы, почтуют на лаврах мира сталкивавшиеся между собою страны, а о том, на каких юридических основаниях пройдет в грядущей войне Красная Армия через Польшу или французская через демилитаризованную прирейнскую зону? И разве случайно на сессии Совета и «с краю» его много говорилось о военно-воздушной конвенции, о вооружении Австрии, Венгрии и Болгарии, об отмене демилитаризации турецких проливов, но ни слова не было сказано о разоружении?

Это — не случайно. Ибо реальной «опорой мира» после Стрезы и Женевы будут те многочисленные пакты, которые, говорят-ли они о воздушной или сухопутно-морской взаимопомощи, все одинаково предполагают не разоружение, а сохранение и усиление вооружений. Никакие клятвы «Юманитэ» не в состоянии заставить нас поверить, что в тех переговорах между генеральными штабами, которые неизбежно должны последовать за подписанием франко-советского или чешско-советского пактов, представители «красного» генштаба будут уговаривать своих французских и чехословацких коллег не увеличивать, а по возможности сократить число тех штыков, пушек, танков, аэропланов, газовых бомб и т. д., которые они при случае двинут на помощь Советскому Союзу. Ничто не

может поэтому внушить нам веру и в то, что конференция по разоружению, если она и соберется, сумеет, в отличие от прошлого, выработать конвенцию о сколько-нибудь действительном и основательном разоружении; что такая конвенция, если и будет выработана «без Германии», не останется лишь листом бумаги, который на деле нисколько не помешает дальнейшей скачке вооружений; что за нею будет стоять такая твердая и непоколебимая воля всего сонма держав, перед которою вынужден будет склониться и Гитлер.

Основным правилом пролетарски - социалистической политики должно быть: с открытыми глазами смотреть на факты и не бояться высказывать, прежде всего — самому себе, то, что есть. У разлагающегося капиталистического мира нет других средств «спасать мир», как подготовка войны. Это факт, и закрывать на него глаза значит тешить себя иллюзиями. В наличных условиях и Советскому Союзу не остается другого пути, если не для ликвидации, то хоть для отсрочки той опасности, которою ему грозят германский фашизм и японский империализм, как все более тесное примыкание к этой буржуазно - капиталистической и потому военно-опасной системе «спасения мира». Это — тоже факт и замазывать его значение утешительным соображением, что, входя в эту систему, Советский Союз, как страна революции, меняет ее характер, значит обманывать себя революционной фразой.

С фактами пролетарскому социализму необходимо считаться не только во внутренней, но и во внешней политике своей. Революции по заказу не делаются, и взятая с сегодня на завтра власть в свои руки, чтобы перевернуть весь общественный строй, социализм, ослабленный к тому же сокрушительными ударами в Германии и Австрии, не может. Это — тоже факт, и факт этот заставляет пролетарский социализм условно

Контора «Соц. Вестника» просит лиц, имеющих лишние № № журнала «Соц. Вестник» за годы 1921-1932, предоставить их в распоряжение конторы бесплатно или-же за небольшую плату. Расходы по пересылке будут оплачены конторой.

поддерживать те меры охраны мира и отсрочки военной опасности, которыми только и располагает общество буржуазией, а не им возглавляемое и управляемое. Но эта поддержка оправдывается именно лишь постольку, поскольку она ясно и определенно условна; поскольку социализм ни на минуту не отождествляет себя с той «политикой мира», которая осуждена на вечную неудачу; поскольку он, наоборот, не устает подчеркивать, что эта политика — не его политика, и пользуется той отсрочкой военной опасности, которую она в лучшем случае в состоянии дать, для того, чтобы убедить широчайшие народные массы в неспособности господствующих классов ни обеспечить мир, ни защитить их от фашистского варварства; поскольку, следовательно, он в самом процессе поддержки, оказываемой им политике «мирных» капиталистических правительств, подготавливает приход к власти рабочего класса, только и могущий действительно разрешить проблему мира и неразрывно связанную с нею проблему низвержения фашизма.

Наоборот, политика, которая, во имя «практичности» и «реализма», игнорирует сегодняшнюю слабость пролетарского социализма и пытается скрыть ее от себя и других, записывая в актив социализму и покрыва-

О задачах российской социалдемократии

Апрельскими тезисами 1920 года была обоснована и твердо начертана основная стратегическая линия нашей партии в историческую эпоху, наступление которой было отмечено мировой войною и которую тезисы оценивали, как эпоху надвигающегося крушения мирового капитализма. В рамки этой эпохи тезисы вдвигали и проблемы русской революции.

За истекшие 15 лет эта линия блестяще оправдала себя, давая партии возможность тактически ориентироваться и сохранять преобладающую роль своей политики на всех многообразных этапах исторического процесса. Из представления о затажном и зигзагообразном характере этого процесса тезисы 20-го года исходили. Но они, понятно, не ставили и не могли ставить себе невыполнимой задачи предвидения всех конкретных изломов и фаз исторического развития как всего капиталистического мира или отдельных стран его, так и Советского Союза и русской революции. Поэтому на каждый новый этап этого развития социалдемократия могла и может отвечать не простым повторением формул 20-го года, а лишь новым творческим напряжением своей аналитической и тактической мысли. Непременное значение тезисов Мартова состоит не в том, что они заранее заготовили тактические рецепты на все возможные исторические ситуации, а в том, что на всех этапах и зигзагах исторического развития они могут и должны служить для партийной мысли тем компасом, который дает возможность разобраться в хаосе новых и внешне-противоречивых явлений и, в нагромождении скрещивающихся и переплетающихся

путей и перепутий, не сбиться с большой исторической дороги. Эту именно роль могут и должны сыграть эти тезисы и в работе политической ориентировки, требующей от русской социалдемократии тем новым фазисом, в который вступают одновременно и мировое, и внутри-русское развитие.

Эта одновременность не случайна. Она еще раз свидетельствует о той неразрывной связи между судьбами русской революции и судьбами мирового развития, из которой всегда исходила политическая мысль Мартова. И она еще раз напоминает о том, что, лишь опираясь на определенное понимание тенденций и перспектив современного мирового развития, может социалдемократия рационально наметить свою политическую линию и в современном фазисе русской революции.

**

Вехой, сделавшей очевидным наступление нового этапа в историческом процессе крушения мирового капитализма, был приход к власти Гитлера в Германии. Триумф «тотальной» фашистской диктатуры в одной из самых передовых стран капиталистического мира с непрекаемой убедительностью свидетельствует о том, что противоречия этого мира затягиваются в такой крепкий узел, который уже не может быть развязан мирными методами демократии. Он может быть лишь разрушен мечем — войн или революций, возможно — и войн и революций. Учесть заранее все факторы, которые определяют конкретный ход событий, немислимо. Бесполезно поэтому и гадать о сроках. Но что представля-

вая его знаменем чужой политической груз, — такая политика на деле и попадает во власть самых худших иллюзий, грозящих сделать социализм соучастником неизбежного банкротства буржуазно-капиталистической «политики мира» и тем скомпрометтировать не только сегодняшний день социализма, но и его завтрашний день. Такая политика, хотя бы и того ее носители, или нет, расчищает путь всем видам «бургфридена», обрекает социализм на тяжчайшие разочарования и угрожает всей его будущности.

Блестящий фасад Стрезы и Женевы ни в коем случае не должен побудить международный социализм забыть об этих элементарных истинах. Ибо, еще раз: слова и иллюзии гибнут, факты остаются... **Ф. Дан.**

ПУТЕВКА В СМЕРТЬ

Экраны всего мира обошел советский фильм «Путевка в жизнь», изображающий картину трудового перевоспитания малолетних преступников единственно мерами «социалистической гуманности». Советская печать возвещала о ликвидации беспризорности, этого «проклятого наследия капитализма, империалистической и гражданской войны». Не только в кругах салонных коммунистов, но и среди рабочих масс Запада, с надеждой обращающих взоры на алеющий восток, весть о ликвидации в Советской России детской беспризорности мерами социалистического трудового перевоспитания была встречена с радостью, как яркое доказательство победы подлинной социалистической культуры. И вот, вместо «путевки в жизнь» — путевка в смерть!..

Декрет 7 апреля «о мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних» — это воистину человеческий документ эпохи — эпохи генеральной линии. Документ

жестокий и трусливый вместе. Жестокий, потому что он вводит смертную казнь для несовершеннолетних преступников, начиная с детей 12-летнего возраста. Трусливый, ибо в декрете смертная казнь для детей не названа по имени, а запрятана в ссылки на параграфы уголовного кодекса. Сугубо трусливый, ибо, в отличие от установившейся практики, под ним значатся подписи председателя ЦИК Калинина, председателя СНК Молотова, секретаря ЦИК Акулова, но нет четвертой, единственно решающей подписи генсека ВКП Сталина.

Декрет постановляет «несовершеннолетних, начиная с 12-летнего возраста, уличенных в совершении краж, в причинении насилия, телесных повреждений, увечий, в убийстве или в попытках к убийству, привлекать к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания». В соответствии с этим отменяется ст. 8 «Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик», в силу которой, по авторитетному разъяснению прокурора СССР Вышинского («Известия» от 10 апреля 35), борьба с перечисленными преступлениями малолетних «сводилась лишь к мерам так наз. медико-судебного воздействия, причем даже в отношении несовершеннолетних в возрасте от 16 до 18 лет применение мер судебно-исправительного характера (иначе говоря, мер уголовного наказания) было условным». Под псевдонимом «мер судебно-исправительных тут прячется и та «высшая мера социальной самозащиты», которая, в свою очередь, является стыдливым псевдонимом смертной казни!

Чтобы оценить всю чудовищность декрета, надо вспомнить, что дореволюционная Россия вообще не знала смертной казни за уголовные преступления. Но и по делам политическим даже военно-полевые суды эпохи «стольпинских галстуков» считались с возрастом

и через власть за социализм, — я неоднократно имел случай говорить. В статье «Война и Советский Союз» («С. В., № 5-7) я попытался наметить и внешне-политическую ориентацию, вытекающую из этой связи для русской социалдемократии и вплотную подводящую ее к борьбе за демократизацию советского режима, которая была и остается ее основной внутренне-политической задачей. Но и борьбу за демократию приходится вести сейчас в новых условиях.

Социализм немислим без демократии: это — неоспоримая истина, которая была верна вчера, верна сегодня и будет верна завтра. Но для политической ориентации пролетарского движения в переживаемую историческую эпоху и, в частности, для успеха его борьбы за демократию решающей является другая, не менее неоспоримая истина: демократия уже немислима без социализма. Власть капитала разрушает демократию. Сохранить, восстановить, утвердить ее может лишь власть труда. Перед лицом все определеннее вскрывающейся несовместимости политической демократии с сохранением самых основ капиталистического порядка и капиталистического господства, и самые демократические партии буржуазии будут вынуждены все чаще и все решительнее принести в жертву демократии в жертву принципам капитализма, «фашизировать» свою политическую идеологию. И, наоборот, самые реформистские партии пролетариата будут вынуждены подводить под свою борьбу за демократию фундамент таких социально-экономических требований, которые колеблют самые основы капиталистического строя, взрывают всякую возможность коалиции рабочего класса с капиталистической буржуазией и готовят решительное столкновение его с нею в борьбе за власть и за социализм.

и через власть за социализм, — я неоднократно имел случай говорить. В статье «Война и Советский Союз» («С. В., № 5-7) я попытался наметить и внешне-политическую ориентацию, вытекающую из этой связи для русской социалдемократии и вплотную подводящую ее к борьбе за демократизацию советского режима, которая была и остается ее основной внутренне-политической задачей. Но и борьбу за демократию приходится вести сейчас в новых условиях.

Социализм немислим без демократии: это — неоспоримая истина, которая была верна вчера, верна сегодня и будет верна завтра. Но для политической ориентации пролетарского движения в переживаемую историческую эпоху и, в частности, для успеха его борьбы за демократию решающей является другая, не менее неоспоримая истина: демократия уже немислима без социализма. Власть капитала разрушает демократию. Сохранить, восстановить, утвердить ее может лишь власть труда. Перед лицом все определеннее вскрывающейся несовместимости политической демократии с сохранением самых основ капиталистического порядка и капиталистического господства, и самые демократические партии буржуазии будут вынуждены все чаще и все решительнее принести в жертву демократии в жертву принципам капитализма, «фашизировать» свою политическую идеологию. И, наоборот, самые реформистские партии пролетариата будут вынуждены подводить под свою борьбу за демократию фундамент таких социально-экономических требований, которые колеблют самые основы капиталистического строя, взрывают всякую возможность коалиции рабочего класса с капиталистической буржуазией и готовят решительное столкновение его с нею в борьбе за власть и за социализм.

подсудимых. В Зап. Европе, где сохранилась еще смертная казнь за уголовные преступления, нет такой страны, даже фашистской, в которой дети 12-летнего возраста предавались бы в руки палача. И только в Советской России — гримаса истории! — на 18-м году «диктатуры пролетариата» и менем социализма освящается смертная казнь для детей! Не правли был П. Б. Аксельрод, считавший дискредитирование социалистической идеи самым ужасным в большевистской диктатуре? И не ясно ли, насколько такие позорящие социализм мероприятия затрудняют морально-политическую борьбу против фашистского варварства?

В советской печати, очевидно, в связи с подготовкой декрета 7 апреля, производилось недавно своеобразное «дознание» о том, Ленину-ли в действительности принадлежали слова: «Революция — не революция, если она не проявляет величайшего внимания к детям». Оказалось, слова эти принадлежат не Ленину, а «контр-революционеру» Троцкому, хотя они и были сказаны им в ту пору, когда он с Лениным составлял дуумвират, под который еще только начинал подкапываться Сталин. Отрицать у деятелей октябрьской революции субъективные благие намерения по части внимания к детям, конечно, не приходится. Но, если гуманитарно-воспитательные меры по борьбе с детской беспризорностью и преступностью оказались в общем и целом безрезультатными, то потому, что общая политика диктатуры создает обстановку, в которой буйно разрастаются сорные травы детской беспризорности и преступности. Изданием декрета 7 апреля диктатура сама косвенно подтверждает эту истину. Ибо самая необходимость прибегнуть к террору против детей свидетельствует о размерах бедствия. Дело плохо, если, несмотря на наличие «прекрасных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей», в частности, трудколоний

НКВД и школ ФЗУ, находящихся в ведении НКЮ и занятых перевоспитанием молодых рецидивистов, советская власть признает необходимость принятия «решительных и жестких мер борьбы», по Вышинскому, «единственно способных покончить с детской преступностью».

Откуда-же этот ужасающий рост детской беспризорности и преступности на пороге интегрального социализма и бесклассового общества, толкнувший советскую власть на издание бесчеловечного декрета 7 апреля? В пору нэпа детскую беспризорность считали «наследием царизма и капитализма», в частности, прямым последствием империалистической и гражданской войны. В этом утверждении, сваливавшем ответственность целиком на прошлое, было полуправды. В теперешних объяснениях советской власти нет уже и тени правды. Ссылка Вышинского на «пережитки капитализма» звучит совсем неубедительно. Новый набор беспризорных уже по возрасту не связан с капиталистическим прошлым. Но он несомненно связан с насильственной коллективизацией, с массовым раскулачиванием, с голодом 1932-33 года, унесшим сотни тысяч крестьянских отцов и матерей, с вызванной недоеданием «текучестью» рабочей силы в городах, часто сопровождающейся разрушением домашнего очага, — короче, со всей генеральной линией, ее методами и ее последствиями. Детская беспризорность тоже входит таким образом в ту страшную цену, которую трудящиеся России заплатили — и продолжают платить — за эксперимент генеральной линии.

Чувствуя несостоятельность ссылки на «пережитки капитализма», Вышинский пытается объяснить растущую детскую преступность в стране советов, как «явление переходного периода от капитализма к социализму». Но почему-же переход от капитализма к социализму морально разлагает, а не возвышает среду детей и подро-

**

В рамках этих мировых предпосылок только и может вестись с шансами на успех та борьба за демократию, которую считает своей основной политической задачей русская социалдемократия и которая приобретает особо важное значение теперь, когда русская революция вступает в свой, можно думать, заключительный фазис — подведения политических итогов пережитым за последние два десятилетия колоссальным социально-экономическим переворотам. В наличной мировой ситуации нет ничего утопичнее мысли, будто грядущая русская демократия может опираться на восстановление капитализма в России. В разрезе внешне-политическом Россия является объектом вожденный гибнущего мирового капитализма, который хотел бы за ее счет обновить свои дряхлеющие ткани. С точки зрения внутренне-политической Россия — страна, в которой еще ключем кипят страсти, рожденные революцией и вызванной ею передвижкой собственности, материальных, культурных и социальных благ. Поэтому в России еще более, чем во всем мире, политической оболочкой реставрированного капитализма могла бы быть лишь та или иная разновидность фашистской диктатуры; еще более, чем во всем мире, успешная борьба за демократию мыслима здесь лишь в неразрывной связи с борьбой за власть труда и за социализм.

Конечно, одними внутренними силами своими отсталая Россия «построить социализм» у себя не может. И самая совершенная демократия не превратила бы по-революционному советского общества в общество социалистическое. Лишь в рамках общей мировой победы социалистического пролетариата могло бы осуществиться такое превращение. Но — опять-таки, в значительной

степени в силу воздействия мирового окружения — рожденный русскою революцией строй есть строй «переходный». Не в том смысле, что от него ведет лишь одна дорога — к социализму, а, наоборот, в том, что он оставляет еще открытыми разные пути, что он насыщен противоречиями, что в нем сочетаются и борются друг с другом противоположные тенденции, и что исход их борьбы может мыслиться лишь в связи с общим ходом мирового развития*). И если бы назревавшему историческому столкновению между миром труда и миром капитала в передовых странах капиталистического мира суждено было завершиться разгромом рабочего класса и утверждением фашистской диктатуры буржуазии, то и в России реставрация капитализма в контр-революционной политической оболочке оказалась бы неотвратимой.

Но, если судьбы социализма и демократии в России зависят от общего хода мирового развития, то, в свою очередь, одним из важнейших факторов, определяющих этот ход, является ход и исход внутренних процессов русской революции. В своей борьбе за демократию наша партия не может ставить себе утопической задачей непосредственного осуществления «интегрального социализма». Но она может и должна ставить себе вполне реальную задачу укрепления тех элементов и тенденций «переходной» советской действительности, ко-

*) Именно переходный, противоречивый характер советского строя и делает безнадежно-схоластическими все попытки найти однозначную формулу для социологической характеристики его. Государственный социализм, государственный капитализм, «советская разновидность бонапартизма» (Троцкий), «новейший инкаизм» (Лора) и т. д. — ни одно из этих обозначений не покрывает собою советской действительности, хотя каждое из них, несомненно, отмечает одну какой-либо из элементов этой действительности.

ствок, им же принадлежит будущее? Почему «цветы земли» на самых подступах к бесклассовому обществу превращаются в чертополох преступности, хулиганства и разврата? В помощь Вышинскому, «Правда» объясняет эту «неувязку» происками классового врага, который в борьбе с советским правопорядком «толкает молодежь на совершение преступлений, использует наиболее неустойчивых из числа несовершеннолетних для своих преступных целей, пытается руками этих малолетних преступников подорвать успехи социалистического строительства». О, если бы успехи напроломной индустриализации и коллективизации были точно успехами социалистического строительства, — как бессильны были бы тогда «классовые враги», как бесплодны были бы их старания смутить и замутить детскую душу!

Ближе к истине «Правда», когда причины безрезультатности борьбы с детской беспризорностью и преступностью она пытается искать в бытовых условиях, в безнадзорности детей, в безответственности родителей, в недостаточной бдительности школы. Новая семья и новая школа должны были бы по новому, по социалистически, воспитывать детей. На деле вышло не так. На деле, свидетельствует «Правда», «свобода, полноправность подростка дома, в школе и на улице... стали в ряде случаев пониматься, как право на распущенность, произвол, безнаказанность любых поступков». При этом «школа и пионерский отряд кивали на родных, а родные в свою очередь заявляли претензию воспитывающим организациям, — почему плохо воспитывают?»

Верно, что школа кивает на семью, семья на школу. Но центральный орган компартии облыжно кивает на обоих — и на семью, и на школу, точно сама правящая партия не повинна ни в «недостаточной бдительности» семьи, ни в «воспитательном бессилии» школы. Но раз-

ве не диктатура большевиков повинна в том, что сплошь и рядом родители и педагоги (шкрабы) бывают терроризированы детьми, что в семье и школе поощряется доносительство детей, что причастность к пионерским и комсомольским организациям создает безнаказанность детей и подростков? Давно ли сданы в архив планы «полного отделения детей от родителей» и «социалистического» воспитания их в детских колониях? И разве изжито до конца педагогическое прожектерство, приводящее к перманентной ломке школы, а нередко к полному забвению ее общеобразовательных и воспитательных задач? В результате — при общем несомненном подъеме школьного дела наблюдается резкое отставание воспитательных задач от чисто образовательных, при подчинении тех и других целям и потребностям диктатуры. Ко всему этому прибавляется губительное влияние общей обстановки террористической диктатуры с ее заражающей атмосферой произвола, насилия и безнаказанности власть имущих, безответности, пассивности и запуганности подвластного населения.

Пока в корне не изменится эта общая обстановка, детская преступность, сопутствующая детской беспризорности и безнадзорности, будет вновь и вновь усиливаться. Напрасно поэтому Вышинский сваливает вину за ужасающий рост хулиганства и детской преступности на «слабость воспитательной работы Наркомпроса и Комсомола», на «полную неспособность комонесов» (комиссий по делам несовершеннолетних), «поменявших реальную борьбу с детской преступностью пустошными «увещеваниями» и «моралью», не достигавшими никакой цели». И напрасно, в тон Вышинскому, «Правда», тем же языком коммунистов отъезжает за стенку, презирающих «мораль» и «увещевание», предупреждает подростков, что «миндальничать с ними не будут». Расчеты диктаторов на единосопающее сред-

торы наиболее способны усиливать значение русской революции, как положительного фактора в развитии мировой борьбы рабочего класса за власть и социализм, и делать ее участницей успехов этой борьбы.

С этой точки зрения борьба за демократию в современный исторический момент не может не связываться для нашей партии с стремлением к максимуму возможному сохранению и развитию тех элементов национализованного и коллективизированного хозяйства, которые способны, при благоприятном повороте мировой конъюнктуры, послужить опорными пунктами для ускоренного вовлечения и России в процесс мировой социализации. Но та же точка зрения определяет и границу возможного в этом направлении для русской социалдемократии.

Эта граница определяется той чертой, за которою начинается бунт трудящихся масс против насильственно навязываемых им форм, методов и темпов «социалистического строительства» или против создаваемых для них этим строительством условий жизни, заработков, труда; за которою развитие производительных сил служит предлогом для закрепления социальных взаимоотношений и культивирования идейно-политических настроений, как раз и являющихся носителями и выразителями анти-пролетарских и анти-социалистических тенденций в процессе развития современного советского общества; за которою, словом, усиленное насаждение национализованного и коллективизированного хозяйства, хотя и покрываемое флагом пролетарских интересов и социализма, на деле само становится источником контр-революционной опасности, как раз и грозящей придать всему «переходному» периоду однозначное — капиталистически - фашистское направление.

Конечно, историческое происхождение большевистской диктатуры, ее социальные внутри-русские и международные связи, соотношение классовых сил в советской стране и целый ряд других, не менее важных факторов, о которых не раз уже приходилось говорить, исключают возможность постепенного, незаметного, органического «перерождения» современной большевистской диктатуры в диктатуру «мужичкую»-ли или «капиталистически-фашистскую». И впитывая в себя неразрешимые противоречия, диктатура эта остается, по природе своей, революционно-утопической диктатурой партии, связанной с определенной частью рабочего класса. Но, чем больше исторически переживают себя террористически-диктаторские формы ее власти, тем более вынуждена она лавировать между формирующимися на пореволюционной почве и давящими на нее классами и социальными группами. И, поскольку в процессе этого лавирования верховным критерием ее политики становится борьба за самосохранение, она вынуждена все больше прибегать к мероприятиям, являющимся и непосредственно, и косвенно (в смысле отталкивания значительных масс пролетариата и крестьянства от революции) рычагом такого расслоения пореволюционного общества и укрепления таких настроений и таких тенденций в его развитии, которые, рядом последовательных потрясений и переворотов (аналогичных термидорианскому и бонапартистскому переворотам в ходе французской революции), смогут устранить с исторической сцены нынешний руководящий персонал большевистской диктатуры, заменить его «новыми» людьми и таким образом расчистить путь диктатуре совершенно иной социальной окраски и иного идейно-политического склада.

Против режима террористической диктатуры социал-

ство, на устрашающее влияние «стенки», на террор против детей не оправдаются. Декрет 7 апреля — это свидетельство о бедности, выданное самой себе советской властью...

Судорога ужаса и отвращения пробежала по всему цивилизованному миру, когда в фашистской Германии, по приказу Гитлера, палач в черном фраке и в белых

перчатках топором отрубил головы двум женщинам, осужденным за шпионаж. Сталинские палачи работают без этой бутафории. Но можно ли себе представить расстрел 12-летних детей в подвалах ГПУ без того, чтобы не захотелось крикнуть на весь мир: этого не может быть, этого не должно быть!

П. Гарви.

В КОЛХОЗАХ ПОСЛЕ С'ЕЗДА

После с'езда колхозников-ударников прошло уже несколько недель и можно проследить, как реализуются на практике его решения. Хотя советская печать в последнее время занимается, главным образом, начинающейся посевной кампанией, однако о двух основных факторах внутренней жизни колхоза, о демократизации управления и о землеустройстве, в специальной печати напечатано немало сведений, позволяющих делать некоторые обобщенные выводы.

Уже сейчас можно считать, что директиву с'езда о закреплении за колхозами земли «навечно» в 1935 году в большинстве областей выполнить не удастся. Объективные обстоятельства оказываются сильнее категорических решений. Во многих районах состояние землеустройства, по оценке самих земельных органов, хаотическое, отсутствуют чертежи, нет карты границ между владениями колхозов. Здесь от быстрого закрепления границ и выдачи «государственного акта» на землю пришлось отказаться и предварительно приступить к осуществлению междуколхозного землеустройства.

По данным Наркомзема СССР — 40% колхозов имеют междуколхозную неустроенность земель («С. З. от 17 апреля 35 г.).

На Украине, например, 3/5 всех колхозов нуждаются в глубоком землеустройстве. Свыше 1/10 колхозов не имеют ни чертежей, ни планов («С. З.», 21 марта 1935).

Из 13,4 тыс. колхозов Ленинградской области землеустроено лишь 7,4 тыс., из которых 2 тысячи устроены по методу «пальцеуказания», «от вербы до березы» («С. З.», 22 марта 1935 г.). В Сталинградском крае —

все колхозы нуждаются в землеустройстве («С. З.», 8 марта 1935 г.) и т. п.

Корреспонденции из некоторых районов сообщают о многочисленных фактах чересполосицы, длиннополюя и дальнеполюя пашни колхозов. Пашни находятся в расстоянии 20-30 км. от усадеб своих колхозников и рядом с чужими селами. Многие колхозники должны ездить на свои поля за 35 км. Местами пашня вытянулась полосой в 5.000 м. и в 80 м. шириною (колхоз «Долой межи!»), затрудняя этим работу.

Из-за неупорядоченности землеустройства замедляется переход к правильным севооборотам.

Местные власти, поставленные перед необходимостью выбирать между явным невыполнением директив ЦК ВКП и СНК и «закреплением хаоса» поступают по-разному. В Курской области, например, местные власти, понимая, что «закрепить за колхозами на вечное пользование землю, не производя землеустройства — это значит надолго задержать их хозяйственный рост», решили предварительно осуществить землеустроительные работы. По их расчетам раньше 1937 года землеустройство не будет закончено. В Белоруссии, где землеустроительные работы осложнены одновременной ликвидацией хуторов, они будут выполнены за 2-3 года.

В других местах решили выполнить директиву власти, невзирая на объективные обстоятельства. В Азово-Черноморском крае крайисполком и крайком, несмотря на то, что «имеются районы, в которых все колхозы нуждаются в радикальном землеустройстве», решили пойти, по выражению автора корреспонденции, «по пути узаконения навечно земельной неурядицы». В Добринском районе Сталинградского края председатель райисполкома «запретил производить всякие дополнительные землеустроительные работы».

Одним из главных препятствий на путях под'ема русского сельского хозяйства — были чересполосица, многополье и дальнеполье. Коллективизация, уничтожившая частно-хозяйственные взаимоотношения в деревне, ликвидировавшая мелкое земледелие создала условия, при которых возможно было в кратчайший срок произвести рациональное землеустройство. Объединение раздробленных земельных наделов различных владельцев в крупные массивы, уничтожение меж и ликвидация чересполосицы внутри одного и того же колхоза, — были естественным результатом сплошной коллективизации. Но межселенное и междуколхозное землеустройство еще далеко не закончено, так как оно натолкнулось на крупные технические и организационные трудности.

Велика угроза, что ради реализации скоропалительных решений с'езда колхозников эта важнейшая часть аграрной реформы будет осуществлена в некоторых районах лишь «на бумаге» («С. З.», 12 апреля 1935 г.).

Вопрос о том, как будет проведена работа по землеустройству, важен и с социальной стороны. Не случайно один из наиболее вдумчивых корреспондентов органа НКЗ-ма пишет, что колхозников очень волнует вопрос: «как уравнивать резкую разницу в соседних кол-

демократия потому и борется, что этот, исторически переживший себя, режим, вопреки своим фразам, своей идеологии и даже субъективным стремлениям его носителей, на деле, чем дальше, тем больше становится фактором нарастания этих, и с советско-национальной, и с пролетарски-интернациональной точки зрения одинаково опасных, контр-революционных элементов и тенденций в советской действительности. И в этом смысле можно сказать, что теперь, в период подведения политических итогов русской революции, вся борьба русской социалдемократии за демократизацию советского режима более, чем когда-либо, должна быть поставлена под знак борьбы за предотвращение контр-революции, за власть трудящихся и за социализм.

С такой принципиальной политической установкой только и может социалдемократия занять принадлежащее ей по праву место в той системе общественных сил, которая складывается в Советском Союзе на излете «генеральной линии» и общие очертания которой я пытался обрисовать в своих статьях о «знатных людях советской страны».

Ф. Дан.

(Окончание следует).

хозах с разной обеспеченностью земель». Но этот вопрос мы осветим в особой статье.

Прошло несколько недель и со времени опубликования постановления о демократизации управления в СССР. Самое внимательное ознакомление с советской прессой заставляет нас придти к выводу, что никаких сколько-нибудь заметных изменений в методах управления колхозами пока не произошло. Обо всех решениях власти и колхозного съезда было доложено на многочисленных общих собраниях, были произнесены соответственные речи, но в основном все осталось по старому. В большинстве колхозов не были даже произведены перевыборы правлений. А там, где они все же были произведены, сделано было это по старой привычной системе. В советской печати не сообщено ни одного случая, где бы перевыборы были произведены тайным голосованием. Прежними же остались и распорядок внутренней жизни колхоза, и взаимоотношения между колхозными выборными и властями предержавшими. Практика весьма далекая от демократизма. Все вопросы решаются органами советской и партийной власти и лишь иногда, формы ради, проводятся через колхозное правление. Все кандидаты на руководящие места определяются парткомами. Необычным является то обстоятельство, что наиболее вопиющие факты нарушения нового устава встречают противодействие центральных органов и критическую оценку в печати.

Это новое обстоятельство несомненно несколько возбуждает местных «помпадуров» и поощряет критическую мысль рядовых колхозников, но ежедневной практики, основного характера режима оно пока не изменило. Можно говорить о некотором уменьшении произвола, но ни в какой мере не об укреплении демократизма.

«Соц. Земледелие» в одной из своих статей отметило, что в колхозе «Политотделец» был снят против воли общего собрания председатель колхоза. Газета протестует против такого нарушения устава. Но кто оказался виновник? Бюро райкома ВКП. И только теперь выясняется, что в этом же Сталинградском крае, уже после утверждения нового устава артели, снято распоряжением райкома 11 председателей колхозов («Соц. Земл.», 7 марта). Не лучше дело обстоит в Ставропольском районе, где начальник райземотдела снял с работы председателя колхоза «1-ое мая» и назначил туда нового председателя.

Столь же мало считаются на практике с новым уставом и при исключении членов из колхоза. «Соц. Земл.» помещает многочисленные сообщения об исключениях распоряжениями председателей, иногда правлений, но, вопреки уставу, без утверждения квалифицированным большинством общего собрания. Исключают за неуважение к председателю, за невыход на работу, за обслуживание, за желание перейти в другой колхоз. Исключенным не только не дают надела земли, но иногда не возвращают их вступных паев. Об исключениях сообщают из Ленинградской области, из Азовского Черноморского края, из Западного края, Украины. В Ставропольском Земельном Управлении скопилось 24 жалобы исключенных, и газета откровенно сообщает, что жалобы никто не хочет рассматривать. В Калининской области исключенным не только не вернули их паев, но отобрали хлеб, полученный по трудовым («Соц. Земл.», 12 апреля). Жалобы лежат без движения... Но даже в тех случаях, когда земельные органы заступаются за исключенных, правления отказываются пересматривать свои решения, ссылаясь на то, что «исключенные разлагали массу», или на их «кулацкое происхождение». Мало того, так же иногда поступает и высшее начальство. В Новорос-

сийске, напр., председатель горкома партии одобрил действия правления, исключившего из колхоза «Красный Колос» 20 колхозников, классическим изречением: «такое перетряхивание укрепляет дисциплину!» («Соц. Земл.», 3 апр. 35 г.).

Интересно отметить, что пункт устава колхоза, по которому протесты исключенных должны рассматриваться президиумом райисполкома гласно при обязательном участии исключенных, пока как правило не осуществляется.

Газеты собирают эти факты, осторожно корят нарушителей воли СНК-ма и партии. Но, нужно отметить, что как-то неубедительно звучат в современном СССР эти призывы к демократизму. Почти по дон-кихотски! Очень уж они не в духе советской обычной практики. Почему парткомы не могут снимать своим решением председателя колхоза, если они и сегодня, не встречая никакого возражения, снимают с постов любого хозяйственника, любого профсоюзника, любого кооперативного работника?

Почему именно колхозникам должны быть предоставлены какие-то конституционные гарантии, к тому же столь явно похожие на меньшевистский либерализм?

Столь же мало соблюдаются права общих собраний колхозов и во всех других существенных случаях колхозной практики. Например, согласно устава, все договоры с МТС о снабжении тракторами, пахоте, уборке, оплате за работу и прочее обсуждаются и утверждаются общими собраниями. Но на практике почти нет случаев, когда это соблюдается. Очень уж хлопотно! Почти повсюду договоры утверждаются правлениями, а во многих местах единолично председателями. «Члены колхозов даже не знают, какие и за что они взяли на себя обязательства», — меланхолично сообщает «Соц. Земледелие». Всего остроумнее поступили в Воронежской области, где председателям колхозов были розданы бланки с договорами, выработанными в центре, и с предложением вернуть договоры подписанными в кратчайший срок.

Конечно, со времени издания постановления о демократизации управления прошел еще очень небольшой срок и существенного изменения и быть не могло. Но, к сожалению, в практике работы колхоза нет никаких симптомов новых методов, нет даже намеков на новый курс, стремящийся сделать колхозников действительными хозяевами своего коллектива.

Бюрократический режим пока еще стоит нерушимо в государственных колхозах. В условиях ничем неограниченной диктатуры трудно пытаться создать из колхозов какие-то оазисы какого-то своеобразного самоуправления, при том действующего только в направлении предначертанной начальства.

А. Югов.

Еще о походе против с.-д. в СССР

Мы сообщали уже о новой волне преследований социалдемократов в Советском Союзе. Сообщали и о новой ссылке в Сибирь гг. Ежова и Захаровой, повинных в посылке телеграммы, приветствовавшей пакт единства действий во Франции. Этой ссылке предшествовало новое тюремное заключение, по советским правам довольно непродолжительное. Но, как оказывается по полученным нами дополнительным сведениям, эту непродолжительность т. Ежов вынужден был купить ценою новой голодовки, крайне губительно отразившейся на его здоровье, и без того сильно подорванном тою непрерывною чередой тюремных заключений, сопровождающихся голодовками, и ссылкой, которую большевистская диктатура заставляет проходить старо-

го революционера вот уже слишком 14 лет подряд! Нет, видно, пределов той мстительной злобе, которую вызывают в привыкших ко всеобщему молчалинству диктаторах негибимое мужество и непоколебимая верность убеждениям старых, заслуженных деятелей рабочего движения и социалдемократии!

Разительный пример этой неумной злобы являет и та травля, которой не перестает подвергаться другой, можно уже сказать — не старый, а престарелый социалдемократ, 78-летний Исидор Иванович Рамишвили, бывший член социалдемократической группы 1-ой Государственной Думы. Год тому назад ему милостиво разрешили перебраться из Туркестанской ссылки на родной Кавказ. Обосновался он было в Тифлисе, но уже через 3 месяца ему предложили покинуть грузинскую столицу. Перебрался в Кутаис, но вскоре был вынужден и оттуда выселиться. Переехал в родное село с твердым решением доживать там последние годы своего земного существования. Терпел все материальные и моральные лишения, связанные с положением отщепенца, жил в хроническом голоде и холоде, имея двух старых женщин, жену и тещу, на руках. Теперь он получил приказ и из родного села убираться на все четыре стороны. Куда? Вероятно, ответ на этот вопрос имеет Авель Енукидзе, бывший ученик Рамишвили, а ныне сталинопопослушный наместник Кавказа?

Т. Ежов, Захарова, Рамишвили не составляют исключения. Можно было бы привести длинный список других заслуженных и испытанных работников социализма, которые подвергаются в течение почти полутора десятка лет таким-же непрерывным преследованиям и травле. Достаточно напомнить, что тов. Череванин и до сих пор продолжает томиться в тюрьме! И об этом особенно уместно напомнить именно сейчас, в канун 1-го мая, великого международного праздника классовой пролетарской солидарности и классового пролетарского единства.

Именно теперь большевистская диктатура — ибо это она выступает под псевдонимом «Коминтерна»! — предлагает Социалистическому Интернационалу совме-

стно организовать международное празднование 1 мая, а Марсель Кашэн призывает в «Юманитэ» делегатов «семи партий», подписавших известную декларацию на ноябрьской сессии Исполкома РСИ, следовательно — и пишущего эти строки делегата нашей партии на этой сессии, поддержать инициативу Коминтерна. Но эта декларация ясно и определенно говорит, что переход от единства действий в национальных рамках отдельных стран к тому международному единству, которого страстно желают ее авторы, возможен лишь «на основе полного равенства всех примыкающих партий», т. е. лишь на основе признания принципов рабочей демократии повсюду, в том числе и в Советском Союзе. Но, если большевистская диктатура, говоря о международном единстве, продолжает свирепо преследовать не только социалдемократию, но и все проблемски самостоятельной политической мысли в своей собственной партии; если она сама исключает советскую компартию из сферы этого единства, ограничивая его в самом предложении своим «капиталистическими» странами и сохраняя за собою в стране, где эта компартия стоит у власти, право держать всех инакомыслящих пролетариев в окопах террора; — то этим она неопровержимо доказывает, что вовсе не хочет того международного единства, о котором так патетически говорит, а хочет лишь в своих целях «использовать» то великое движение, в котором милл. рабочих всех стран справедливо видят самую могучую опору в борьбе за мир и социализм против войны и фашистского варварства.

Новым походом против социалдемократии сталинская диктатура еще раз разоблачает себя, как противница международного пролетарского единства, как препятствие на пути его осуществления. Это не помешает нам, разумеется, со всею страстью продолжать борьбу за успех того дела, в котором видим жизненную, историческую потребность мирового пролетариата и за служение которому Сталин обрушивает новые бичи и скорпионы на плечи наших товарищей.

Ф. Д.

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

«Друзья! Друзья!
Какой раскол в стране,
Какая грусть в кипении веселом».

С. Есенин.

В общественной жизни случаются иногда события, которые на подобие молнии внезапно озаряют глыбы притаившихся конфликтов в далеких пространствах страны. Таким событием, на историческое мгновение заставившим вздрогнуть коммунистическую общественность, было убийство Кирова. То, что убийца вышел из кругов коммунистической молодежи, заставило коммунистические круги остро осознать, что с молодежью дело обстоит совсем неблагоприятно. С этих пор вопрос о «наших молодежных кадрах» не сходит со столбцов печати. А передовая «Правды» (от 3-го апреля) провозгласила даже, что «наша борьба за молодежь есть острая борьба с классовым врагом». Что это означает?

До убийства Кирова компартия на всех этапах революции в общем была спокойна за основной поток молодежи: он шел с ней. Только один раз — в годы нэпа — комсомол пережил серьезную встряску. Да и то, по-настоящему замутил и забурлил только городской комсомол, а не деревенский. Потом пришли годы генеральной линии, когда индустриализация и коллективизация с лихвой покрывали все запросы молодежи, давая

выход и потребности в революционной романтике, и во всамделишном героическом труде.

Правда, уже в середине первой пятилетки обнаружилось, что огромная армия молодежи, игравшая такую выдающуюся роль в хозяйственной и общественной жизни Союза, перестала выделять новых «властителей дум». Комсомольские поэты и писатели периода нэпа оказались на ролях бессменных, потомственных комсомольцев: давно они успели пережениться, уже дети у них стали подростать, а они все еще ходили в звании «безусых энтузиастов». Но тогда, в годы лихорадочного строительства, это пытались объяснить тем, что молодежи, мол, не до поэзии и литературы, она занята «стройкой». Но вот кончилась первая пятилетка, мы уже в середине второй, а смены все нет. «Старые комсомольцы» сначала, «задрав штаны», бежали за комсомолом, но в последнее время они даже не пытаются поспеть за молодежью, довольствуясь положением комсомольских сенаторов.

Было бы ошибкой думать, что советские писатели вообще не делают попыток подойти к молодежи, не пытаются отразить ее настроений. Любопытно отметить, что этим особенно интересуются старшие по возрасту писатели (Вересаев «Сестры», Ольга Форш «Символисты», Эренбург «День второй» и др.).

Но если некий разрыв между поколениями неизбежен почти во всяком обществе, то этот разрыв в революционные периоды происходит гораздо раньше нормального и протекает в более острых формах. Ведь это факт, что Есенин уже в нэповской деревне чувствовал себя ненужным «стариком». Ведь факт, что Либединский еще в начале генеральной линии, наблюдая ударников, с лирическим волнением вспоминал Пушкинское «здравствуй племя молодое, незнакомое!» И совсем не случайно молодому по годам Леонову эмоционально ближе старый профессор Скутаревский, чем комсомолец Таня. И писатели, и советская критика с редким единодушием отмечают, что произведения последних лет обслуживают и отражают «среднее поколение», людей, которые еще «видели городского». А между тем, из 170 миллионов населения Союза родившиеся в 1917 году или позже составляют почти половину, а вместе с теми, кому в 1917 году было лет 15-16, т. е. кто тогда только начинал сознательную жизнь, более 3/4 населения гигантской страны. Только отдав себе отчет в значении этого факта, можно понять всю степень отставания художественной литературы от жизни. Ведь сейчас — после признания самого Горького это уже не секрет — «генеральная тема» большинства произведений последних лет — это тема о средне-пожилом интеллигенте, который на-половину, на три-четверти, на девять-десять «включился в нашу социалистическую действительность». Допустим, что это очень важно, но все-таки, не важнее ли было бы узнать, о чем думают более 140 миллионов населения, которые никакой другой России, кроме советской, не знают?

Спрос на показ молодежи со стороны советского общества очень велик, со своей стороны и писатели из кожи лезут, чтобы удовлетворить эту потребность, но дальше внешнего описательства, дальше штампа эти попытки в сущности не идут. Вот несколько примеров. «День второй» Эренбурга весь посвящен молодежи Кузбасса. Герой ее, Колька Ржанов, молодой рабочий, растет на глазах читателя; он ударник, интересная личность, его любит интересная девушка, его посылают на учебу. Совсем в тени другой юноша, комсомолец Володя Сафонов, играющий в романе подсобную роль: на нем Эренбург иллюстрирует разлагающее влияние размышлений, самоанализа, глупой потребности в индивидуальной свободе. И недаром представитель этой «пустой породы» кончает самоубийством. Казалось бы, да здравствует Колька Ржанов! Но нет! Советская критика не удовлетворилась Ржановым и остальными преуспевающими ударниками; и не сговорившись, все критики любопытствующим вороньем кружатся над комнатой, где кончил самоубийством Сафонов. Если бы не знать советской действительности, повышенный интерес советской критики к Сафонову можно было бы отнести за счет патологии! Но дело в том, что советская критика знает, что в жизни разочарованный скептик Сафонов встречается среди молодежи гораздо чаще, чем благополучный энтузиаст. Блуждая вокруг темы Сафонова, советская критика рисковала набрести на кое-какие грустные истины, но во время убереглась от беды под сенью утешительной теории: плохо, мол, не то, что есть обстоятельства в жизни, рождающие Сафоновых, а то, что бывший попутчик Эренбург, проделывающий «сложный путь приближения к нам, еще не на все сто процентов включился в нашу социалистическую действительность»!

А между тем, тень разочарованного, озлобленного молодого человека, разновидность советского Печорина бродит по страницам современных произведений, бродит неприкаянная и в советской действительности. Вот другой пор-

tret комсомольца-вузовца, Василия Спирина, из рассказа Сейфулиной «Молодость»: «Вуз достался Васе нелегко. Он попал после трудной работы на заводе. Отец его был крестьянин, но в обширной степной губернии владел сотней десятин и гуртом скота. Жалко ли стало юноше отнятого достатка, или мучил его молодой гнев за пережитое унижение (во время раскулачивания — В. А.), только ранняя морщина пролегла у него около рта. Его шутки редко бывали беззлобны, порой жестоки».

В этом рассказе не характерно, что отец Спирина владел сотней десятин и что молодой Спириин социально ущемлен; характерно то, что в вузах и втузах много есть крестьянской и рабочей молодежи, которая глубоко душевно ущемлена и одинока и, как опускающийся на дно молодой рабочий Толя у Эренбурга, верит только людям, «которых другие осуждают». Это одиночество молодежи, и особенно, коммунистической молодежи, бросается в глаза в произведениях даже таких благонамеренных писателей, как Пильняк («Рождение человека»). И когда эта молодежь когда-нибудь начнет вспоминать свою молодость, это будут очень едкие страницы. Чтобы помочь этой молодежи, чтобы найти путь к ней, писатель должен был бы войти в ее душу, жить ее трудностями, ее обидами, ее гневом, т. е. писатель должен был бы, хотя бы на определенный отрезок романного времени, сочувствовать ей. Но, помилуйте, как можно сочувствовать Спириину: ведь он сын кулака, ведь эмоционально он контрреволюционер! Нет, нет, подалее от Спирина, подалее от всей этой невеселой проблематики; отдохнем от пережитых волнений на какой-нибудь светлой личности!

У писателей нет контакта с читателями, особенно с молодыми читателями. В этом нет ничего неожиданного. Ведь встречая в жизни молодежь, часто коммунистическую молодежь, отклоняющуюся от дозволенной коммунистической нормы и представляющую поэтому особенно интересный материал для писателя, автор ведет себя с ним, как глупая мачеха с провинившимся пасынком: тащит его за шиворот в дом и голосит: У, ты нещечко, одна срамота с тобой! Ведь образ такого молодого коммуниста ни одной минуты не живет в прои з в е д е н и и: он не смеет дышать, не смеет увлекаться, любить, он должен отбарабанить все «троцкистские» и «меньшевистские» ереси, после чего писатель торопится убрать куда-нибудь подалее эту доставляющую ему столько хлопот и волнений личность (см. образы двух троцкистов в романе Ильина «Большой конвейер»). Официальная критика и того беспощаднее. Находясь во власти вульгарного марксизма, она полагает, что ее задача, как и задача писателя, не в показе и анализе действительности, а в пресловутой «переделке жизни». Встречаясь с образами разочарованных молодых людей, критика во всеоружии цитат из всех вождей начинает отчитывать таких «неблагодарных» молодых скептиков: ах вы, такие-сякие, как смеете вы быть неудовлетворенными нашей великопленной действительностью! Да если бы у нас, когда мы были молоды, были такие условия, в которых вы живете, мы бы таких делов наворотили, что у самой Большой Медведицы хвост трубою встал бы! И невдомек почтенным коммунистическим папашам от критики, что внедряют они при этом не «марксизм», а повторяют те самые доводы, которые в дни их молодости без псевдомарксистской эрудиции внедряли им их собственные «родители, учителя и все, ведущие к познанию блага»!

Но если эта распря между коммунистическими «отцами и детьми» на страницах советских журналов и газет носит еще довольно невинный характер, то

в жизни, увы, все это выглядит гораздо трагичнее и безысходнее.

Сейчас официальные идеологи нажимают по части «большевистской бдительности»: «Классовый враг стремится проникнуть и в советскую художественную литературу... Он протаскивает в своих произведениях в замаскированной форме на страницах литературно-художественных журналов подлые, троцкистско-зиновьевские, контр - революционные идейки. Он раздувает наши ошибки, неполадки, недоделки до фантастических размеров», пишет передовик «Литературной Газеты» (от 5-го апреля). Всякий понимает, что такая отповедь появляется всегда в качестве послесловия к произведенной где-нибудь очередной чистке литературных организаций. На этот раз чистка произведена в ряде городов. В Ленинграде («Лит. Газ.», от 15 марта и 5 апреля) распущена старейшая центральная группа молодых рабочих и писателей, объединившаяся вокруг журнала «Резец». Одна корреспонденция объясняет ликвидацию группы тем, что во главе ее стоял какой-то «проходимец», «жулик», у которого вообще «не оказалось партийного билета». Но едва-ли группу ликвидировали за то, что во главе ее стоял бессмертный Остап Бендер, эта современная разновидность Хлестакова; ведь тогда, пожалуй, пришлось бы ликвидировать некоторые и гораздо более крупные советские предприятия! Другая корреспонденция мотивирует разгон группы наличием в ней «богемских и упадочнических настроений» у одних членов группы и «идеологических срывов» у других. Думается, что подлинная причина ликвидации в этом последнем обстоятельстве. Тем более, что в группе «Резец», не в пример другим объединениям, было действительно немало рабочих, связанных с производством.

Случай в Ленинграде не единственный. В Ростове-на-Дону местный отдел Союза советских писателей тоже проявил недостаточную бдительность, в результате чего крайкомом были выпущены «политически вредные книги» местных молодых писателей. 14-го февраля на собрании литературного кружка паровозостроительного завода им. Ленина два члена литкружка, Богданов и Александров отстаивали буд-то бы «право писателя на критику советского строя». Гретьий литкружковец, Федосцев, в очерке «Жизнь зовет» извратил идею социалистического соревнования... В ряде своих произведений он протаскивал троцкистский тезис о бесперспективности нашего строительства». А кружковец Зима читал стихи «против советской власти» (см. «Правду» от 22-го, 26-го февраля и 3-го марта). Так же неблагоприятно оказалось дело с молодыми литературными кружками в Ярославле («Правда» от 13-го марта), Свердловске («Лит. Газета» от 24-го января) и в Хабаровске («Лит. Газета» от 5-го апреля). Случай в Свердловске особенно показателен. Там образовался кружок из молодых рабочих писателей, среди которых молодому рабочему-ударнику Ручьеву коммунистическая критика еще в 1932 году пророчила славу пролетарского Есенина. Настроения этой литературной группы — по отзывам коммунистической прессы — были сумбурны. Она считала, что должна бороться за свою независимость, бороться против преуспевающего и являющего картину быстрого душевного перерождения Свердловского писателя Авдеевко. Под флагом «надо дерзать» группа повела борьбу против «ортодоксов», т. е. против казенщины. Эта борьба нашла свое выражение и в сомнительной романтизации какой-то «полковничьей дочери» и «белого дома, где вымер знаменитый, никому не кланявшийся род» (поэма «Маргарита Троицкого»). Мы не сомневаемся в том, что автор этой поэмы и в глаза не видывал живого полковника,

иначе у него, вероятно, была бы другая эмоциональная зарядка. Но дело не в этой худосочной романтике, дело и не в художественном малокровии многих из этих произведений. Глубоко и показательное общественное значение этих настроений, особенно если принять во внимание, что выразители их в массе своей не «остатки недобитых классов», а представители пролетарской и крестьянской молодежи.

Какие выводы можно и нужно сделать из этого обширного материала, который так причудливо отражается в кривом зеркале официального коммунистического восприятия? Молодежь входит в полосу глубокого идейного кизиса, коренящегося в противоречиях советского бытия. «Комсомольская Правда» даже сообщает о возникновении среди коммунистической молодежи оппозиционных, «меньшевистских» и «троцкистских» настроений. Хотя нас такое сообщение, естественно, могло бы только обрадовать, мы думаем, что на данной стадии речь еще не может идти о политическом оформлении этих зарождающихся оппозиционных течений среди молодежи. Горюпливые политические крестины — излюбленный метод борьбы диктатуры, чтобы запугать политически неопытных людей. На данной стадии можно констатировать лишь усиливающееся отталкивание от всего того, что исходит от официальных идеологов диктатуры.

Со своей стороны, мы скажем этой разуверившейся в непогрешимости диктатуры молодежи: если ей дороги судьбы революции и социализма, она не имеет права уходить в скорлупу своего недовольства и разочарования, а должна искать путей общественной активности, путей к рабочему классу и наиболее прогрессивным элементам крестьянства, чтобы вместе с ними бороться за преодоление диктатуры, за превращение Советского Союза в свободное, подлинно-демократическое рабочее-крестьянское государство.

В. Александрова.

ЗАГРАНИЦЕЙ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РАБОТА В ГЕРМАНИИ.

Что стало с германским социализмом после поражения?

Этот вопрос должен особенно интересовать наших товарищей в Советском Союзе: слишком велико значение германского социализма даже после катастрофы и слишком тесна историческая связь между меньшевизмом и германским рабочим движением. Национал-социалистическая печать упорно замалчивает существование в Германии значительных социалистических кадров. По соображениям полицейским и демагогическим она относит всю революционную подпольную работу за счет «коммунизма». Между тем важно установить следующие факты:

Численно наиболее значительные кадры, ведущие подпольную работу, вышли из рядов социалдемократии. Не только активные кадры старой партии, но и более широкие массы ее членов сохранили силу внутреннего сопротивления, не подвергшись фашизации. Данцигские выборы показали насколько стабильны массы социалдемократических избирателей, которые под ударами фашистского террора, после двух лет фашистского произвола сохранили верность партии. Национал-социалистическая диктатура хочет не только подавить рабочий класс насильем, но и ассимилировать его себе, растворить его в фашистском государстве, разгромить его изнутри, добиться массового и коллективного дезертирства социалистических рабочих в лагерь фашизма. Но в рядах старой социалдемократии почти не оказалось перебежчиков.

Что кадры социалдемократии сохранились и сумели перейти на нелегальную работу, об этом говорят многочисленные воззвания коммунистической партии к социалдемократическим рабочим, группам и организациям. Эти кадры социалдемократии перенесли после поражения глубочайший внутренний кризис, и большинство подвергло беспощадной самокритике свое политическое прошлое. Но они остаются социалистами, случая перехода активных работников социалисти-

ческого подполья к коммунистам почти неизвестны. И именно эта самокритика и искание новых путей делают невозможным их переход в ряды коммунистической партии, которая выдала сама себе индульгенцию за поражение и считает, что все было в совершеннейшем порядке. Численно социалистические кадры значительно превосходят коммунистические, конечно они часто выше во многих отношениях. К тому же социалистические кадры располагают значительными резервами на предприятиях; старые, испытанные рабочие, не участвующие непосредственно в нелегальной работе, но сохраняющие политическую активность и авторитет на предприятиях, обеспечивают связь партийных кадров с массами.

В подполье социалистические кадры проделали большую внутреннюю работу, прежде всего над самими собой. В рядах германского социализма произошел новый отбор. Он был вызван в первую очередь условиями и требованиями нелегальной работы. Эти кадры перешли от абсолютной легальности к абсолютной нелегальности. Условия и характер германского социалистического подполья нельзя сравнить ни с какой другой нелегальной работой — ни с подпольем в других странах фашистских и полуфашистских диктатур и реакций, ни с подпольем прошлым русским социализма. Ни Австрия 1934-35 гг., ни Россия 1898 и даже 1894 года (не говоря уже о периоде контр-революции 1907-10 гг.) не дают представления об условиях подпольной работы в Германии за два последних года. Даже Италия, другая страна тотальной фашистской диктатуры, отличается во многом от этих условий: по брутальности террора, по концентрации психического воздействия фашистская Германия не знает равного примера ни в истории, ни в современности. Если вопреки этому террору и психическому принуждению, вопреки глубине поражения и горечи разочарования германский социализм все сохранил в подпольи значительные кадры, то это говорит об огромной моральной силе и о наличии скрытой революционной энергии, которая в легальные времена не была использована пролетарскими партиями.

Подбор новых кадров требовал прежде всего приспособления к условиям нелегальной работы, усвоения опыта конспирации. Здесь нужна была абсолютная конспирация, герметическая замкнутость кадров. Коммунисты овладели технической конспирацией раньше, чем активные группы социалдемократии. Но социалдемократические группы вскоре сумели так же и более целесообразно, чем коммунисты, применить эти методы. Коммунисты бросились сразу на так называемую «внешнюю» работу, рассчитанную на обращение к элементам, стоящим вне нелегальных кадров и даже к чуждым с улицы: раздача листовок, широкое распространение литературы и т. д. Социалдемократические группы сумели в отличие от этого метода в первую очередь сохранить связь между кадрами и поставить информацию, воспитание и т. д. Провалы неизбежны и при этой работе, но она осуществляет большую экономию человеческого матерьяла. Эта осторожность наряду с большей «достоверностью» социалдемократических кадров затрудняет проникновение осведомителей и провокаторов, дает возможность большего бережения сил по сравнению с коммунистами.

Но разница не только в этом. Социалистическим кадрам в Германии удалось не только воспитать работника подполья, владеющего методами конспирации, но и политически воспитать его, научить его давать чуждую иллюзий оценку германской действительности и этим повысить его политическую сопротивляемость и выносливость. При случае мы проанализируем оценку и информацию, которая поступает от этих социалистических кадров, и сравним ее с теми представлениями и ожиданиями, которые дают в своих отчетах и оценках коммунисты: преимущества критического подхода и реалистического учета действительности на стороне наших товарищей.

Условия конспирации невероятно затрудняют внутреннее политическое развитие движения. Это подполье требует полной децентрализации. Единой политической организации нет, есть сумма групп, связанная между собой относительной идейной общностью. Отдельные группы живут сравнительно обособленной жизнью: не только организационно-технически, но и идеологически. Есть группы, культивирующие идею организации профессиональных революционеров и идеологию революционной элиты; есть группы, проповедующие теорию Розы Люксембург о примате стихийных массовых движений и даже возвращающиеся к некоторым подсиндикалистским теориям. На этих идеологиях подполье стоит будет при случае остановиться. Через процессы внутреннего сплава и политической консолидации партии, который проделала за последний год австрийская социалдемократия, социалистические кадры Германии еще не прошли.

Разногласия по политическим и организационным вопросам значительны. Основную политическую линию разногласий можно определить приблизительно так: нужно ли консервировать осколки старой партии — или же из элемен-

тов старой партии следует строить новое движение, ориентирующееся на пролетарское единство и революционную генеральную линию? Взаимная связность кадров и верность старой партии усилили сопротивляемость германского социализма. Но верность может стать консервативной добродетелью. Верность чему? Германский реформизм потерпел поражение потому, что он не был боеспособным демократическим социализмом. Под старым знаменем и со старым руководством в Германии невозможна даже борьба за завоевание свободы и демократии и уж наверное невозможна борьба за пролетарскую революцию. Слова и дела старого партийного руководства в эмиграции показывают, что оно мало чему научилось и мало что позабыло. Политические разногласия оно осложняет организационным конфликтом: исключением видных представителей левого крыла из Партейфоршганда и другими репрессиями против левых групп.

Германский социализм еще не ликвидировал того из наследия прошлого, что стало для него бременем. Он не стал еще движением, способным к руководству революционными процессами, через которые пройдет потрясенная до основ страна.

А. Ш.

К ПРОЦЕССУ ШУТЦБЮНДЛЕРОВ.

Видный австрийский товарищ пишет нам:

В дни «святой пасхи» и празднования христианского воскресения из мертвых в Вене, в стране христианнейшей диктатуры 20 вождей социалистического Шутцбунда были приговорены к ужасающе-долгому тюремному заключению.

История процесса известна. Ни один из подсудимых не принимал участия в февральских боях, потому что все они были к тому времени уже арестованы. Им было предъявлено обвинение в государственной измене за то, что они подготавливали восстание, т. е., организуя Шутцбунд, делали для защиты демократической конституции то же самое, что фашистский хэймвер делал для насильственного низвержения ее, уничтожения гражданской свободы и разгрома рабочего класса.

Внешне процесс протекал в формах нормального судебного производства. Но приговор доказывает, что при господстве фашизма формальная корректность является лишь видимостью. Поставленный под усиленное давление, председатель тщательнее старался не допускать никаких политических высказываний, т. е. никакого выяснения истинных причин февральского восстания. В обосновании приговора прямо говорится, что суд «исходил не из политической, а из юридической оценки фактов»: в этой классической фразе еще раз подтверждается классовый характер формального права. Подавленная революция — это всегда «государственная измена».

Поведение большинства обвиняемых, в особенности их вождей, Эйфлера и Лэва, было выше всякой похвалы. Лишь весьма немногие обнаружили признаки слабости. Храбро держалось и большинство свидетелей, среди которых было много социалистов, уже отбывших тюремное заключение или угрожаемых им. Правда, австрийские рабочие могли узнавать об этом лишь из нелегальной печати: австрийские газеты были обязаны печатать лишь официальный отчет о процессе, тщательно замалчивавший все, сколько-нибудь благоприятное для подсудимых.

Политические выводы из процесса напрашиваются сами собою.

Он еще раз доказал полнейший произвол фашистских судебных расправ. Достаточно сопоставить приговор по этому делу с приговорами по делам активных участников восстания, или вспомнить, что членов с.-д. ЦК пришлось освободить, потому что и диктатура не посмела предъявить обвинение в измене республике. Зейцу, бывшему первым ее президентом, или посадит на скамью подсудимых Брейтнера и Даннеберга, создателей «Красной Вены», — чтобы стало ясно, что фашизм — это во всех смыслах воплощение бесправия. В Австрии-же, где фашизм осуществляется полицией, это сверх того воплощение мелочной мстительности и глупости.

Но историческое значение приобретает процесс, прежде всего, тем, что разоблачает ложь австрийского фашизма, хватающего своим отличием от германского и своими преимуществами перед ним. На самом деле австрийский фашизм копирует гитлеровские методы, только более трусливо, лицемерно и бессистемно, заменяя германскую основательность в кнутобойстве австрийского расхлябанностью. А между тем его сила заключается сейчас только в том, что европейские державы охраняют и поддерживают австрийский иезуитофашизм, как якобы- антагониста гитлеровского фашизма. Процесс шутцбюндлеров, это австрийское издание процесса о поджоге рейхстага, дает возможность всему миру познать истину, — если только он хочет познать ее.

Но более того: вооруженный лицемерным иезуитизмом, ав-

стрийский фашизм не прекращает попыток примазаться к рабочим. Ни в одной другой стране не говорится столько о рабочих и с рабочими. Правда, — безуспешно, ибо никакие посулы не могут скрыть того факта, что фашизм не может дать рабочим, которых обхаживает, и самодельшей крупяны прав, не ставя под угрозу всей системы беспартия, которая лежит в его основе. Приговор по делу шутбюндлеров и тут достиг полной ясности. Крик возмущения прокатился по рядам австрийских рабочих: так это и есть ваше пресловутое примирение? Завеса лжи и лицемерных иллюзий разорвана бесповоротно.

А надо при этом иметь в виду, что режим, вынужденный к такому саморазоблачению, не опирается и на 20 проц. австрийского населения. Ему угрожает не только справедливый гнев рабочих, но и снова усиливающаяся за последнее время под влиянием успехов Гитлера агитация национал-социалистов. Режим держится лишь тем, что враждебные ему 80 проц. австрийского народа расколота на две враждующие части — социалистов и гакенрейцлеров, которые никогда не смогут объединиться. Не удивительно, что при таких обстоятельствах некоторые иностранные наблюдатели говорят о приговоре по делу шутбюндлеров, как о «самоубийстве режима». И действительно, с точки зрения режима, этот приговор не только преступление, а тяжкая ошибка.

Весьма вероятно, что среди самих господ положения есть круги, понимающие это и, быть может, даже старавшиеся эту ошибку предотвратить. Повидимому, еще во время самого процесса велась на верхах борьба за приговор. Но еще раз экстремисты хэймвера потребовали самых суровых кар и подкрепили свое требование угрозами. И еще раз «умеренные» клерикалы уступили давлению. В таком порядке обычно разрешаются противоречия внутри господствующих клик Австрии, а расплачиваются всегда рабочие.

Так находит свое место процесс шутбюндлеров в общем ходе политического развития австрийской диктатуры, ведущем к новому перевороту, к стопроцентно-тотальному фашизму или к реставрации Габсбургов. Это развитие совершится под покровительством Муссолини, под все возрастающим влиянием Италии, использующей все усиливающуюся напряженность положения в Европе и всеобщую вражду к гитлеровской Германии. Так связывается процесс шутбюндлеров с поездкой Штаргемберга к Муссолини, состоявшейся на следующий день после произнесения приговора. Так связывается этот процесс и со всей сомнительной и ошибочной системой европейской политики, считающей возможным договариваться с одним фашизмом против другого и козырять Муссолини против Гитлера и перед лицом грозившей войны с Германией не желающей видеть, как германские методы укореняются во всех странах, на почву которых вступает фашизм.

Но совместно с Муссолини нельзя бороться за демократию, можно в лучшем случае лишь вести войну против Германии. Нельзя отразить Гитлера Штаргембергом, нельзя полагаться на один фашизм против другого, нельзя один фашизм считать «меньшим злом», чем другой. По крайней мере, рабочий класс не может делать этого. Приговор по делу австрийских шутбюндлеров зовет рабочий класс к международной борьбе против международной опасности — против фашизма во всех его видах и во всех странах.

К БОРЬБЕ ТЕЧЕНИЙ В СОЦИАЛ. ПАРТИИ США.

В № 3/335 за текущий год мы поместили присланную нам редакцией теоретического органа американской социалистической партии «The American Socialist Quarterly» информационную статью т. А. Алексеева, секретаря Русского Отдела партии в Нью-Йорке, о борьбе течений в Социалистической партии США.

Ныне мы получили помеченное 26 марта письмо т. А. И. Вилияера, пишущего нам по поручению Русского Отдела Соц. Партии США следующее:

В связи с напечатанием в «С. В.» от 10 февраля с. г. корреспонденции из Нью-Йорка за подписью А. Г. Алексеева, Русский Отдел Соц. Партии Америки на заседании своем от 18 марта с. г. постановил довести до Вашего сведения о нижеследующем.

В предисловии к корреспонденции т. Алексеева редакция «С. В.» рекомендует автора не только как члена Соц. Партии Америки, но и как секретаря ее Русского Отдела. Этим легко вызывается представление, будто автор выражает точку зрения Русского Отдела по вопросу «о борьбе течений в Соц. Партии США». Мы, поэтому, считаем необходимым констатировать:

1) что Р. О. не поручал т. Алексееву, в бытность его секретарем Отдела, вносить «поправки» или «уточнения» в ту информацию о внутри-партийной борьбе в

В ПАРИЖЕ Отдельные №№ «Соц. Вестника» можно получить в следующих киосках Г А Ш Е Т Т:

- 1) LIBRAIRIE 2, rue de Sèze.
- 2) 12, bd des Capucines.
- 3) 28, bd des Capucines.
- 4) 4, bd de la Madeleine.
- 5) 44, bd des Capucines.
- 6) 11, bd des Capucines.
- 7) 56, av. des Champs-Élysées.
- 8) 150, av. des Champs-Élysées.
- 9) Pl. de l'Étoile (côté Friedland).
- 10) Pl. de l'Étoile (côté Wagram).
- 11) 2, bd des Italiens.
- 12) 36, bd des Italiens.
- 13) 2, bd des Capucines.
- 14) 2, bd Montmartre.
- 15) 20, bd Montmartre.
- 16) 8, bd Bonne-Nouvelle.
- 17) 15, pl. de la République.
- 18) 3, pl. Saint-Michel.
- 19) 7, bd Saint-Michel.
- 20) 47, bd Saint-Michel.
- 21) 63, bd Saint-Michel.
- 22) BOURRELIER, 101, bd Montparnasse.
- 23) HACHETIE, av. des Champs-Élysées.
- 24) Pl. Pigale.
- 25) 1, av. Victor-Hugo.

Кроме того отдельные №№ продаются в конторе журнала от 10 до 12 ч.) и в крупн. русск. книжн. магазинах Парижа.

С. П. Америки, какая была дана на страницах «С. В.», и 2) что, следовательно, посылка им корреспонденции в «С. В.» является его личным выступлением, а суждения, высказанные им, — его личным мнением, с которым Русский Отдел в большинстве своем ни в малейшей мере не солидаризуется и за которое не несет никакой ответственности.

Со своей стороны, Нью-Йоркская Группа Содействия РСДРП и Бунду в письме от 24 марта, за подписями тт. М. Равича и И. Вилияера, сообщает о «гнетущем впечатлении», произведенном на нее появлением на страницах «С. В.» статьи т. Алексеева, и пишет:

По существу самой корреспонденции мы не можем входить здесь в подробный разбор. Да в этом и нет необходимости в данный момент. Достаточно сказать, что подавляющее большинство из нас вполне единодушно в резко отрицательной ее оценке, хотя мы и принадлежим к разным группировкам внутри С. П. Автор корреспонденции не только искажает фактическую сторону дела, но и не считает нужным хоть сколько-нибудь обосновать свои утверждения и оценки.

Поскольку эта «левая» корреспонденция появилась в «С. В.» с рекомендацией от редакции и без одновременного противоставления ей точки зрения другой стороны*), у читателя естественно возникает представление о солидаризации редакции «С. В. с одной из борющихся сторон, с так наз. «левыми». И нами по этому поводу получен ряд недоумевающих запросов со стороны товарищей, полагающих, что «С. В.» держится нейтрально в социалистической междуусобице Америки, как это было и в отношении других стран. Фактическая (хотя, быть может, и невольная) солидаризация ваша с одной стороной является несомненной тактической ошибкой с вашей стороны.

Мы не считали нужным давать на страницах «С. В.» подробное освещение междуусобицы в С. П. Это тем сложная и для советско-русского читателя далекая. Наиболее существенное, что нужно было сказать об этом, уже было сказано в очень удачной статье т. Р. А., упомянутой выше. Он сумел объективно осветить положение, как оно должно представляться стороннему наблюдателю. Члены нашей Группы, хоть и принадлежат к разным лагерям в Американской Соц. Партии и в ее междуусобице, тем не менее все были — в общем и целом — удовлетворены статьей Р. А. и добровольно отказались от каких бы то ни было «поправок» и «уточнений», так как, сами находясь в водовороте борьбы, не могут, по совести, считать себя вполне свободными от одностороннего освещения или «фракционной запальчивости». И очень, очень жаль, что редакция «Соц. Вестн.», всецело доверившись рекомендации мало-из-

*) Таковой, ведь, нельзя считать статью Р. А., появившуюся 8 месяцев тому назад, объективно излагавшую точки зрения **обеих** сторон и, кроме того, освещавшую «положение вопроса» в совершенно иной стадии.

На новую волну арестов

отвечайте

НОВОЙ ВОЛНОЙ ПОМОЩИ ССЫЛЬНЫМ И ЗАКЛЮЧЕННЫМ

вестного ей «Quarterly», воспользовалась корреспонденцией совершенно неизвестного ей автора, чтобы угостить своих читателей таким «информационным материалом», который не может не вызвать самых резких протестов и возражений.

Мы печатаем эти документы, свидетельствующие о крайней остроте «социалистической междуусобицы» в рядах американских товарищей, без всяких комментариев. Скажем лишь одно. Редакционный коллектив «С. В.» или отдельные члены его, разумеется, никогда не отказывались и не откажутся высказывать свои мнения по существу тех программных и тактических вопросов, которые являются спорными в международном социализме. Но в то же время «С. В.» никогда не подливал и, конечно, никогда не будет подливать масла в огонь фракционной междуусобицы, в которую облекаются в отдельных партиях споры по основным вопросам движения и которая грозит привести это движение к расколу в эпоху, когда ему более, чем когда-либо, нужно единство. Верные этой традиции, мы, как нарочито и было оговорено редакцией, лишь в порядке «ценной информации» напечатали статью тов. Алексеева, — подобно тому, как в таком же порядке печатали в свое время статьи принадлежащих к обоим борющимся лагерям эстонских товарищей. В этом же информационном порядке печатаем мы и документы, присланные нам нашими нью-йоркскими друзьями. Но, разумеется, впредь до наступления каких-либо новых событий в жизни Американской Социалистической Партии, мы считаем полемику на эти темы и в этой форме на страницах «С. В.» законченной.

ПО РОССИИ

МОСКВА. — Инфляция финансировала индустриализацию. — Мавр сделал свое дело — Оздоровление червонца будет осуществляться твердой рукой. — Идеиная переориентировка советской интеллигенции. — Недооценили роль государства. — Начинают вырисовываться и положительные итоги. — Мечта о сильной власти и о порядке.

На этот раз поделюсь с вами сведениями и впечатлениями, полученными мною от беседы с одним моим старым знакомым, в настоящее время видным работником НКФ, а в прошлом левым общественным деятелем, человеком большой культуры и независимых взглядов. Мой приятель мне много рассказал интересного в связи с мерами, предпринимаемыми властью для укрепления курса червонца.

«...Нельзя с обычными, трафаретными мерками подходить к инфляционной политике, которая проводилась в Союзе в последние годы. Было бы нелепо утверждать, что реальная стоимость червонца осталась неизменной, конечно он подвергся инфляционному падению, но в наших условиях эта политика была единственно возможной и экономически и социально полезная. Только благодаря ей мы осуществили программу индустриализации. Говорят — червонец превратился в фикцию. Хороша фикция, если за счет советских бумажных денег мы построили Днепрострой. Магнитогорск и Краматоровский завод. Конечно, границу для червонца заперли, иностранную валюту берегли для импорта, червонец превратился во внутреннюю валюту. Но эта программа была сознательно намечена и ее выполнили дисциплинированно и успешно. Торговый баланс активен, все что можно было делать за счет внутренних ресурсов мы сделали, оплачивая именно червонцем. В Европе инфляция сопровождается всегда обнищанием трудящихся и обогащением тех или иных групп буржуазии. Было ли у нас что либо подобное? Не только мы, старые специалисты, но и наше высшее начальство — коммунисты, прекрасно знаем, что инфляция у нас была произведена за счет народных масс — крестьян и рабочих, что она означала недоплату им реальной зарплаты и цены за отчуждаемый у них продукт. Но разве у нас на этой операции нашлись какой-нибудь слои, какая-нибудь социальная группа? Это был единственный для нас возможный способ аккумуляции для целей капитального строительства финансовых и материальных средств. Я ставлю в вину советской власти лишь

то, что у нее не хватило мужества открыто сказать правду. Но в своей среде мы откровенно говорим, что индустриализацию удалось осуществить только благодаря инфляции». «Почему же теперь решено от этого благотворного средства отказаться», — спросил я. — «Для этого много оснований. Во-первых, червонец начал выдыхаться, самый лучший клинок притупляется от постоянной работы. Во-вторых, в основном инфляция свою миссию выполнила, индустриализация вчерне закончена; в-третьих, и в главных, сейчас советская власть уже не на словах, а всерьез приступает к осуществлению второй части своего генерального плана, к поднятню жизненного уровня рабочих и колхозников. Для этой цели инфляция уже служить не может, напротив, она при таком курсе политики является главным злом. Мавр сделал свое дело, мавр должен уйти. Советская власть теперь хочет обеспечить рабочему реальную зарплату и именно в денежных знаках. Она хочет постепенно начать платить колхознику более сходную для него плату за хлеб, масло шерсть. Теперь нужен твердый рубль, неизменяемая валюта. Более того, мы в наркомфиновских кругах думаем, что, если наш план оздоровления червонца удастся, станет вопрос о выходе нашей валюты на международный денежный рынок. — Неужели вы действительно думаете, что намечаемые НКФ меры дадут положительный результат? Ведь здоровая валюта возможна лишь в условиях здоровой экономики, а вы сами только что рассказывали мне о том, как у населения отнимают последние гроши сбережений!» — «Да, в теории это так. Но должен признаться вам, я давно уже перестал прилагать вернейшие теории к нашей советской действительности. Не должны бы! А все же как-то выкручиваемся. И идем не книзу, а вверх. Мы недооценили, и теперь еще многие недооценивают, созидательной роли централизованной все власти. Теоретически, ведь были стопроцентно правы Базаров, Громан или Рамзин, когда доказывали, что невозможно намеченный рост народного дохода, невозможны такие изъятия на инвестирование, нельзя удвоить в 2-3 года добычу угля и т. д. А власть всех скрутила в бараний рог, посадила всех на голодный паек, не остановилась перед вымиранием миллионов, поставила на службу индустриализации и энтузиазм молодежи и все виды принуждения и даже заставила служить себе условно приговоренных к смерти крупнейших специалистов, жрецов той теории, которая утверждала, что планы большевиков — безумие. И добилась! Сделала возможным невозможное... Передают, что один из осужденных по процессу промпартии говорит, что его ошибка объясняется тем, что он не предполагал, что большевики заставят себе служить и дьявола, что они решатся поставить на карту миллионы жизней, что они заставят работать на пятилетку и человека в скаках... Что-ж верно, моральную неразборчивость и силу государственной диктатуры мы не учли. Теперь же жизнь дала нам предметные уроки. Теперь я никогда не говорю уже невозможно. А заранее считая все возможным, когда дело идет о принуждении со стороны государства и о долготерпении со стороны населения, я, как эксперт, говорю, что нужно сделать по моей специальности, чтобы выполнить поставленную нам задачу. Поэтому и задачу оздоровления червонца я считаю трудной, но возможной задачей. Да ведь и вы не будете отрицать, что она значительно легче многого, уже совершенного. Ведь эти мероприятия идут в направлении интересов масс населения. А финансовую дисциплину советская власть обеспечит, чего бы ей это не стоило...»

«Знаете, что меня поразило, когда я сегодня слушал вас? Ваша психика. Вы как будто не только принимаете советскую диктатуру, как факт, но считаете, что она открыла какие-то новые творческие и в конечном счете благотворные пути. Более того, вы как-будто нашли удовлетворяющее вас место и для своей работы в аппарате этой диктатуры?»

«...Что-ж, вы правы, сейчас происходит перестройка психики, переоценка ценностей у многих тех, кого не сломала до сих пор советская власть прямым насилием. То, что переживается мною сейчас, характерно для очень многих, кто и в прошлые годы работал не за страх, а за совесть в советском аппарате, но чувствовал себя лишь чужим, лишь санитаром во время народного бедствия. Сейчас происходит перемена. Дело не только в том, что нас, старых специалистов, старую интеллигенцию, сейчас вновь стали подкармливать, перестали держать в черном теле, — хотя и это играет немалую роль,

— но для многих главное в том, что вокруг, в жизни стали подводиться какие-то итоги, стал виден смысл всего, совершенного за прошлые годы, стало понятно, во имя чего приносились жертвы. И дело в том, что, если мы по-прежнему считаем себя неспособными на методы насилия, которыми действовала советская власть, если многие из нас по-прежнему спрашивают себя, нужны ли были эти жертвы, то теперь во всяком случае мы видим, что **итоги-то все же положительные**. Мы становимся на ноги. Страна, народ, рабочие, крестьяне. А затем Весь мир вокруг нас в Европе, в Америке бьется в бессилии, мечтает о сильных людях, падает из одной пропасти в другую. Рабочий класс в нищете и бесправии, демократия распята, культура вырождается, со дня на день следует ожидать безумия войны. Можем ли мы в свете этих падений старого передового мира не переоценить нашу непримиримость к тому, что совершили большевики у нас в отсталой стране, можем ли мы не получить некоторого удовлетворения в том, что **той или иной ценой, но сейчас мы одни во всем мире стоим перед задачей материального и культурного подъема масс?** Худшее уже позади, вот что сейчас сознаем мы все. Сейчас можно будет работать уже с меньшими насилиями над собою, над своими убеждениями».

«Вы расплачиваетесь за то, что слишком долго не признавали ничего положительного в процессах, происходивших в стране, тем, что ударились в новую крайность. Не думаете ли вы, что это лишь мир иллюзий, созданный вами. А если жертвы, которые были принесены во имя индустриализации будут и завтра и послезавтра политически, социально срывать положительные итоги успехов сделанного? В чем черпаете вы уверенность в том, что диктатура и завтра не пойдет привычными и более легкими путями насилия и требования новых жертв? Как можете вы, наконец, говорить, **что худшее позади**, когда советская власть более чем как-либо страна стоит перед опасностью быть ввергнутой в страшнейшую войну, которая опрокинет все то положительное, что сегодня начинает вырисовываться, и где у вас гарантии, что советская власть именно та власть, которая выбирает лучший путь, чтобы этой войны избежать, и что советская система — лучшая система, чтобы эту войну успешно вести?»

«О, конечно, все эти вопросы я себе ставил, и я не могу дать на них твердого, положительного ответа. Но одно я вижу ясно: европейский демократический и даже социалистический мир не показали примера лучшей власти, власти более пригодной для нашей страшной эпохи».

«Но ведь по этому методу рассуждения немец приял в масе и Гитлера. И не роднит-ли вас с фашизмом тоска по сильной власти, разочарование в демократии, неверие в народную самостоятельность и жажда покоя и порядка?»

«Быть может. И разве это незаконно после всего нами пережитого...»

17 апреля 35 г.

А.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Георгий Папхадзе. Что это значит? (по-грузински).
 Бюллетень Эконом. Кабин. проф. С. Н. Прокоповича. Март 1935 г. Прага.
 Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). № 43, апрель 1935 г.
 Der Kampf, N° 4, April 1935.
 Cahiers du bolchévisme, N° 7, 8.
 Le Combat Marxiste, N° 18, Avril 1935.
 La Révolution prolétarienne, N° 196.
 Que faire? Revue communiste, N° 4, Avril 1935.
 Arthur Rosenberg. Geschichte der deutschen Republik. Verlag «Graphia», Karlsbad.
 Jörg Willenbacher. Deutsche Flüsterwitze. Verlag «Graphia», Karlsbad.
 Heinz Wielek. Verse der Emigration. Verlag «Graphia», Karlsbad.
 Leopold Franz. Die Gewerkschaften in der Demokratie und in der Diktatur. Verlag «Graphia», Karlsbad.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 6/4, 22/4.
 Отослано: № 6, №-ра 34 и 35.

От редакции. — Следующий, двойной № 9/10 (341/342) выйдет 23 мая.

За недостатком места переносится в следующий номер статья С. Шварца: За единство профдвижения.

Через контору

„Социалистического Вестника“

можно приобрести

старые русские революционн. и социалистические

**ЖУРНАЛЫ, ГАЗЕТЫ,
СБОРНИКИ, КНИГИ,
ЛИСТКИ, ПРОКЛАМАЦИИ**

ИЗДАНИЯ, выходившие легально в гг. 1905—1907, 1911—1914 и в 1917—1918

ИЗДАНИЯ, выходившие за-границей для пропаганды в России

Брошюры Плеханова, Аксельрода, Мартова, Ленина, Троцкого, Дана и др.

Газеты „Искра“, „Социал-Демократ“, „Пролетарий“, „Последние Известия“ и др.

Протоколы съездов и конференций.

Революционные издания на украинском, еврейском, грузинском и армянском языках.

Журналы и газеты имеются полными комплектами и отдельными номерами

Для просмотра списков и с запросами обращаться :

“LE COURRIER SOCIALISTE”

141, Rue Broca, bat. 11, PARIS (XIIIe)

НА СКЛАДЕ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВЕСТНИКА»

имеются следующие издания:

	ЦЕНА ВО ФРАНКАХ	
	для подписчиков „Соц. Вестн.“	Вместо: 40% скид.
Ю. Мартов: Мировой большевизм.	7,50	4,50
Ю. Мартов: В борьбе за Интернационал.	9,00	5,40
Ю. Мартов: Долой смертную казнь.	3,00	1,80
Ю. Мартов: Большевизм в России и в Интернационале.	3,00	1,80
Ю. Мартов: Записки социалдемократа.	21,60	10,80
К. Каутский: Соц. Интернационал и Сов. Россия.	6,00	3,60
К. Каутский: Большевизм в тупике. Со статьей Ф. Дана «Проблемы ликвидации».	24,00	14,40
Фр. Адлер: Об отчете Английской Делегации (с предисловием Ф. Дана).	3,00	1,80
Ф. Дан: Два года скитаний.	12,60	7,60
Д. Далин: После войн и революций.	18,00	10,80
А. Югов: Народное хозяйство России и его проблемы.	31,50	19,00
А. Югов: Пятилетка. С послесловием Ф. Дана Перспективы генеральной линии.	25,00	15,00
Гр. Аронсон: На заре красного террора.	30,00	18,00
А. Jugow: Le Plan Quinquennal. . .	25,00	20,00
О. Domanewskaja: Agrarsozialismus in Sowjetrussland.	12,00	10,00
Th. Dan: Les Socialistes russes et la dictature du Proletariat.		1 fr.

Скидка лишь при покупке за наличный расчет!